

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

4376

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

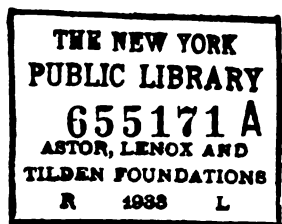
ТОМЪ ВТОРОЙ

МОСКВА

Въ Типографіи Т. Волкова и Комп.

—
1856

14

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 2 дня,
1886 года.

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

NOV 27 1886
LIBRARY
VIA RAIL

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРАГО ТОМА

	Стр.
Правленіе Царевны Софіи. <i>Ж. К. Щ</i> — <i>аю.</i>	5, 377 и 534
Н. И. Надеждинъ. Автобіографія съ дополненіями. <i>П. С. Савельева.</i>	49
Въ свѣтѣ и дома. Повѣсть <i>Тригорскаго.</i>	79
Напраслина. Разказъ <i>М. Л. Михайлова.</i>	120
Рамазанъ въ султанскомъ дворцѣ и бейрамъ. <i>И. Н. Березина.</i>	138
Новѣйшіе успѣхи механики въ области сельскаго хозяй- ства. <i>А. С. Ершова.</i>	149
Стихотворенія: Скворушка, <i>А. М. Жемчужникова.</i>	166
Пѣсня. <i>Я. П. Полонскаго.</i>	166
Труженикъ, <i>Ө. Б. Миллера.</i>	167
Семь стихотвореній, <i>Н. М. Павлова.</i>	169
Аэрика. <i>Н. П. Огарева.</i>	329
«Ты, уцѣлѣвшій въ сердцѣ нищемъ.» <i>К. К. Павловой.</i>	332
Шесть стихотвореній графа <i>А. К. Толстаго.</i>	482
Шесть стихотвореній. <i>Н. П. Огарева.</i>	666
Суворовъ. Глава изъ приготовленной ко второму изданію «Исторіи войны 1799 года.» <i>Д. А. Жилытина.</i>	173
Семейныя сцены. <i>Е. Нарской.</i>	221 и 402
Пушкинъ. <i>М. Н. Каткова.</i>	281
О промышленныхъ предпріятіяхъ. <i>В. П. Безобразова.</i>	311
Карлъ V. <i>П. Н. Кудрявцева.</i>	333

II

Русская литература. (Семейная Хроника и Воспоминанія, С. Т. Аксакова.) <i>Θ. М. Дмитриева.</i>	464
Августъ Людвигъ Шлецеръ. <i>С. М. Соловьева.</i>	505
Лѣто въ Гапсгагѣ. Разказъ <i>С. Вахновской.</i>	571
О вѣншей торговлѣ. <i>Н. В. Вернадская.</i>	603
Курдскій князь. Разказъ княгини <i>Бельджойго.</i>	625

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МАРТЪ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Политическое обозрѣніе.	4
Внѣшняя политика Сѣверо - Американскихъ Штатовъ въ 1854—1855 годахъ.	17
Успѣхи науки международного права въ Германіи и Англіи. <i>Д. Каченовскаго.</i>	28
Новѣйшія путешествія по Африкѣ.	34
Нѣсколько словъ по поводу «Семейной Хроники.» <i>Θ. Д—ва.</i>	40
Журналъ Садоводства, издаваемый Россійскимъ Обществомъ Любителей Садоводства.	46
Медицинскія книги.	49
Обозрѣніе губернскихъ вѣдомостей. <i>А. Н. Егупова.</i>	51 +
Выставка въ Московскомъ Училищѣ Живописи и Ваянія. Нѣсколько словъ о художественной выставкѣ. <i>Лю- бителя.</i>	63
Классико-романтическій разговоръ по поводу той же выставки.	67
Черноморцы въ Москвѣ	77
Разныя извѣстія.	78

МАРТЪ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Политическое обозрѣніе.	81
Аудское королевство. <i>П. Ст. Савельева.</i>	93
Судоходство по международнымъ рѣкамъ. <i>М. Н. Капустина.</i>	97
Генрихъ Гейне. <i>М. Л. Михайлова.</i>	101

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Семейная хроника и Воспоминанія, С. Т. Аксакова.

Новый годъ начался счастливо для русской литературы. Кромѣ другихъ явленій, содѣйствующихъ къ ея оживленію, онъ даритъ насъ замѣчательнымъ произведеніемъ такого писателя, котораго дѣятельность давно уже возбуждаетъ справедливое вниманіе публики. Новая книга г. Аксакова достойно завершаетъ рядъ прежнихъ сочиненій автора и окончательно упрочиваетъ за нимъ имя первокласнаго писателя. Если въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ авторъ возбуждалъ вниманіе читателя своимъ умѣньемъ относиться поэтически ко всякому предмету, мастерствомъ внѣшняго изложенія и теплою глубокимъ чувствомъ природы: то въ новой его книгѣ ко всѣмъ этимъ качествамъ присоединяется еще интересъ самаго предмета, который, по своему разнообразію, далъ возможность автору выказать со всѣхъ сторонъ свое замѣчательное дарованіе. До сихъ поръ г. Аксаковъ мало касался человѣка и его внутренняго міра, устремляя свою авторскую дѣятельность на явленія внѣшней природы. Только въ одной, исполненной чувства, біографіи покойнаго Загоскина онъ показалъ намъ, какъ живо и цѣльно умѣетъ онъ воспроизводить характеры. Въ «Семейной Хроникѣ и Воспоминаніяхъ» эта способность выказывается во всемъ своемъ блескѣ. Самые разнообразные, живые образы возникаютъ въ душѣ при чтеніи этой книги и сливаются въ одну, исполненную единства и жизни, картину нашего прежняго быта. Впечатленіе въ публикѣ, при появленіи въ свѣтъ этой книги, было самое сильное, не смотря на интересъ современныхъ событій, поглощавшихъ общее вниманіе.

Сочиненіе г. Аксакова раздѣляется на двѣ части: Семейную Хронику, почерпнутую авторомъ изъ разказовъ семейства гг. Багровыхъ, и собственныя его Воспоминанія. Такое дѣленіе могло бы быть сдѣ-

лаю не только на основаніи самаго содержанія, но и по тому отношенію, въ которомъ авторъ находился къ своему предмету. Имѣя дѣло съ фамиліными преданіями, съ такими событіями, которыхъ онъ не былъ личнымъ свидѣлемъ, г. Аксаковъ, въ первой половинѣ своего труда, является не лѣтописцемъ, а такъ сказать, воспроизводителемъ стариннаго нашего быта. Отсюда типическое значеніе выведенныхъ имъ лицъ. Впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ слышанныхъ имъ фамиліныхъ преданій, слагались въ его фантазіи въ характеристику прежняго быта, сохраняя притомъ все значеніе лѣтописи. Чисто-лѣтописный характеръ имѣютъ только собственные воспоминанія автора. Такое различіе между двумя половинами разсматриваемаго сочиненія выразилось и во внѣшней ихъ формѣ: Хроника не составляетъ связной исторіи судебъ описанной фамиліи, но собственно представляетъ двѣ характеристики, съ которыми связываются всѣ остальные разказы. Слѣдуя порядку самой книги, постараемся сначала очертить характеръ первой ея половины.

«Семейная Хроника» начинается разказомъ о переселеніи Степана Михайловича Багрова изъ Симбирской губерніи въ Уфимское намѣстничество. Сюда относятся три главы сочиненія: «Переселеніе», «Оренбургская губернія» и «Новыя мѣста». Собственно говоря, это цѣлая картина заселенія отдаленныхъ русскихъ провинцій. Читатель видитъ, какъ мало по малу русское населеніе оттѣсняетъ азіатскія кочевыя племена и заноситъ въ дикія степи первые начатки гражданственности. Любопытно слѣдить за тѣмъ способомъ, которымъ совершалось это дѣло. Все дѣлалось просто, и такъ сказать, по домашнему. Номинальные владѣльцы оренбургскихъ степей, Башкирцы, охотно уступали богатую землю русскимъ приобрѣтателямъ. Нужна была только нѣкоторая сноровка, и можно было приобрѣсть за безцѣнокъ цѣлыя тысячи десятинъ благословенной почвы. Во время переселенія Багрова уже цѣлые уѣзды были заселены и казенными и помѣщичьими крестьянами, и при всемъ этомъ самая дорогая цѣна землѣ въ этомъ краѣ была только по полтинѣ за десятину! Правда, неточность въ обозначеніи границъ, которыхъ нельзя было и обозначить точно, веда не рѣдко къ продолжительнымъ тяжбамъ; но вѣдь и въ коренныхъ русскихъ провинціяхъ землевладѣльцу было немногимъ легче: черезполосность владѣнія велъ къ частымъ столкновеніямъ между сосѣдями. Понятно, какъ при этомъ должна была казаться заманчивою мысль о житіи въ новой, привольной сторонѣ.

Описаніе переселенія принадлежитъ у г. Аксакова къ числу самыхъ теплыхъ, самыхъ поэтическихъ страницъ, не смотря на совершенно матеріальныя подробности. Въ авторѣ виденъ человекъ и коротко

знакомый съ бытомъ низшаго сословія и не чуждый его интересамъ. Поэтому читатель, какъ бы мало онъ ни былъ знакомъ съ нуждами и привычками крестьянъ, невольно сочувствуетъ и страху робкихъ переселенцевъ, и ихъ горести при разлукѣ съ прадѣдовскою землею, и радостному ихъ чувству при добромъ исходѣ дѣла. Любопытны также подробности о житіи Степана Михайловича Багрова въ новомъ краю, гдѣ онъ скоро былъ окруженъ прежними своими сосѣдами, потянувшимися по его слѣдамъ въ Уфимское намѣстничество. Эти подробности объясняютъ для насъ многое не только въ эпохѣ, изображенной авторомъ, но и вообще относительно древней нашей исторіи, которой эта эпоха была отдаленнымъ отголоскомъ. Патриархальныя судъ и расправа, основная стихія древней Руси, вслѣдствіе чего такъ трудно уловить жизненную, практическую сторону юридическаго быта въ нашихъ источникахъ, еще продолжали свое существованіе въ это время. Сосѣди стекались на судъ къ справедливому Степану Михайловичу и всегда оставались довольны его мудрымъ рѣшеніемъ. Передовой человѣкъ своего времени, онъ личнымъ примѣромъ воспитываетъ нравственно своихъ сосѣдей и дѣлается оракуломъ цѣлой окрестности. Какъ бы мало ни сочувствовалъ читатель неопредѣленности стариннаго быта, гдѣ личное вліяніе замѣняло законъ и голосъ одного лица общественное мнѣніе, нельзя же не сочувствовать благородной дѣятельности тѣхъ людей, которые своимъ честнымъ образомъ мыслей умѣли восполнить недостатки современной имъ жизни. То же почти можно сказать и объ отношеніяхъ Багрова къ его крестьянамъ. Какъ ни часто встрѣчаемъ мы указанія на произвольность, а подъ часъ и жесткость этихъ отношеній, но нельзя не отдать справедливости автору, что онъ прекрасно съумѣлъ выставить нравственную ихъ сторону. Связанные общими интересами и даже отчасти общимъ бытомъ, помѣщикъ и крестьяне понимаютъ другъ друга, дорожатъ взаимными выгодами, и это сродство между ними составляетъ свѣтлую, искупающую сторону суроваго быта. Оттого-то, можетъ быть, непосредственно тяжелаго впечатлѣнія читатель не выноситъ изъ этихъ разказовъ, какъ бы взглядъ его ни разнился отъ взгляда автора.

Вслѣдъ за описаніемъ переселенія г. Аксаковъ переходитъ къ разказу о дурномъ и о добромъ днѣ Степана Михайловича, и отсюда начинается рядъ характеристикъ, составляющихъ драгоценное указаніе для исторіи нашего быта. Здѣсь мы встрѣчаемъ и подробное изображеніе тогдашняго образа жизни, и полныя нравственныя очерки характеровъ. Выше мы замѣтили, что характеры, выведенные передъ нами «Семейною Хроникой» имѣютъ все значеніе типовъ и слѣ-

выются въ одно цѣлое со всею картиною прежняго быта. Не должно однако заключать изъ этого, чтобъ изображенные лица имѣли одно это значеніе. Напротивъ, если съ одной стороны, дѣйствующія лица «Хроники» являются типами своего вѣка, то съ другой стороны, это вполне живые люди, не утратившіе своего индивидуальнаго характера подъ мастерскимъ перомъ автора. Оттого они сильно привязываютъ къ себѣ вниманіе читателя, который радуется ихъ счастію и живетъ ихъ жизнію. Какъ бы ни были маловажны разказываемыя о нихъ событія, авторъ умѣетъ заинтересовать въ ихъ пользу, какъ въ пользу людей давно и хорошо знакомыхъ. Укажемъ особенно въ этомъ отношеніи на разказъ о женитьбѣ молодого Багрова. Здѣсь художническій талантъ автора выказался во всей своей силѣ. Нельзя безъ особеннаго участія слѣдить за нитью ежедневныхъ, такъ сказать, происшествій этого разказа, и когда авторъ изображаетъ намъ старика Багрова, послѣ тяжелой внутренней борьбы, приносящаго въ жертву счастію сына свои дворянскіе предрасудки, нельзя не обрадоваться вмѣстѣ съ успокоеннымъ семействомъ. Личный интересъ, возбуждаемый дѣйствующими лицами, перемѣшивается съ интересомъ, такъ сказать, историческимъ. «Семейная Хроника» равно привлекаетъ вниманіе и въ качествѣ романа и какъ лѣтопись. Замѣтимъ еще одну сторону въ дарованіи г. Аксакова: это его умѣнье сохранять спокойное отношеніе къ своему предмету, питая къ нему въ то же время самое теплое участіе. Онъ горячо сочувствуетъ дѣйствующимъ лицамъ своей книги, но его личное участіе нигдѣ не нарушаетъ ни художческаго спокойствія разказа, ни строгаго характера правдивой исторіи. Онъ какъ будто не самъ передаетъ намъ происшествія, но заставляетъ насъ переживать ихъ вмѣстѣ съ своими героями.

Какъ изображеніе минувшей эпохи, для насъ особенно интересны двѣ главы разбираемой книги: женитьба молодого Багрова и разказъ о Куролесовѣ. Авторъ уже показалъ, какъ гражданственность постоянно завоевывала себѣ новую почву въ матеріальномъ отношеніи. То же самое показываетъ онъ намъ и въ сферѣ нравственнаго быта. Мы, конечно, не хотимъ сказать, чтобы такая картина прямо заключалась въ намѣреніяхъ г. Аксакова; но его вѣрный взглядъ подмѣтилъ двойственный характеръ тогдашней эпохи, и онъ въ яркихъ краскахъ передалъ намъ борьбу между двумя началами, старымъ и новымъ, которой слѣды замѣтны на всѣхъ крупныхъ и мелкихъ явленіяхъ прошедшаго вѣка. Это столкновеніе прошедшаго съ настоящимъ придаетъ всему разказу какой-то трагическій отпечатокъ. Полный разладъ между двумя формами быта, взаимное ихъ непониманіе другъ друга ведутъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ, которыхъ грустная

сторона превосходно подмѣчена авторомъ. Свойства, по видимому самыя близкія, не сближаютъ людей при совершенной противоположности направленія. Такъ съ одной стороны, молодое просвѣщеніе не умѣетъ понять простыхъ формъ отживающаго быта и съ болѣзненною щекотливостію оскорбляется его грубою стороною; съ другой стороны, старый бытъ не умѣетъ оцѣнить высокой простоты людей образованныхъ и въ самыхъ лучшихъ ихъ поступкахъ подозрѣваетъ дурное и для себя враждебное. Авторъ выставилъ это явленіе во всей его рѣзкости; но не остановился однако на этой грустной картинѣ. Въ дальнѣйшемъ разказѣ онъ показываетъ намъ, какъ лучшіе люди съ обѣихъ сторонъ сходятся наконецъ между собою и примираются подъ добрымъ вліяніемъ все болѣе и болѣе успѣвающаго просвѣщенія. Въ этомъ разказѣ авторъ не ограничивается ролью простаго лѣтописца. Онъ вдается въ психическій анализъ, передаетъ намъ всѣ движенія сердца изображаемыхъ лицъ, и читатель понимаетъ всю трагическую сторону простыхъ, несложныхъ происшествій. Здѣсь творчество вступаетъ въ свои права и отодвигаетъ на второй планъ лѣтописца. Семейныя преданія не могли сообщить автору внутренней стороны фактовъ: надобно было обладать особенною способностію проникать въ самыя скрытые изгибы человѣческаго сердца, чтобы такъ вѣрно передать всѣ личныя ощущенія дѣйствующихъ лицъ. Оттого-то столько волнующаго душу въ изложеніи этихъ простыхъ, обыкновенныхъ явленій. Другой интересъ представляетъ разказъ о Куролесовѣ. Справедливо замѣчено, что въ этомъ характерѣ не было простора для творческой способности. Страшные отклоненія дикой натуры мало давали мѣста художнику, и въ описаніи жестокихъ поступковъ этого человѣка авторъ долженъ былъ исключительно быть лѣтописцемъ. За то теплая и энергическая натура Прасковьи Ивановны вполне допускала художническій очеркъ, и изображена авторомъ съ особенною любовью. Нѣкоторыя мѣста разказа дышатъ особенною, тихою поэзіей. Таковъ умильный разказъ о молитвѣ несчастной женщины передъ свиданіемъ съ мужемъ. Это мѣсто оставляетъ сильное впечатлѣніе и дѣйствуетъ какъ-то успокоительно послѣ страшнаго описанія гнусной оргіи. Замѣтимъ, что и въ лицѣ Куролесова изображенъ въ одно время и типъ и характеръ. Извѣстно, что такіе люди вовсе не были рѣдкимъ исключеніемъ въ это время. Стоитъ внимательно прослѣдить наши историческіе памятники, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ. Такое типическое значеніе лицъ, изображенныхъ въ «Семейной Хроникѣ», имѣло, конечно, свою долю участія въ томъ впечатлѣніи, которое произвела эта книга. Впечатлѣніе не дробилось на отдѣльные факты и лица, какъ въ обыкновенныхъ запис-

скахъ, имѣющихъ чисто-лѣтописный характеръ. Оно также цѣльно передавалось сознанию читателя въ видѣ общей картины быта, какъ цѣльно этотъ бытъ воспроизведенъ художественною фантазіею автора. Книга г. Аксакова служитъ лучшимъ доказательствомъ, что никогда побочныя цѣли не достигаются такъ вѣрно искусствомъ, какъ въ томъ случаѣ, когда искусство не задаетъ себѣ впередъ никакой посторонней цѣли. Авторъ видимымъ образомъ не задавалъ себѣ никакой особенной цѣли при сочиненіи своей книги; оттого, не смотря на его личныя, большія или меньшія симпатіи къ той или другой сторонѣ его предмета, которыя по временамъ проглядываютъ въ его трудѣ, весь старинный бытъ отразился въ его книгѣ безъ всякой односторонности, наложенной личнымъ убѣжденіемъ. Онъ не заслонилъ своею мыслію цѣльной картины прошедшаго, а между тѣмъ даже и тѣ стороны быта, которыя привлекаютъ къ себѣ его личное сочувствіе, никогда не могли бы выступить съ такою яркостію, еслибы определенная, посторонняя цѣль руководила перомъ его. Читателей же такое спокойное, независимое отношеніе автора къ его предмету, подарилъ капитальнымъ произведеніемъ, обильнымъ результатами всякаго рода. Замѣтимъ, что такое качество не всегда встрѣчается у нашихъ писателей и, при современномъ настроеніи общества, имъ часто трудно не внести личныхъ убѣжденій въ произведенія искусства. При усиливающемся развитіи общественныхъ вопросовъ, жизнь все болѣе и болѣе соприкасается съ искусствомъ, но соприкасается съ нимъ не на равныхъ правахъ, не какъ матеріалъ для него, имѣющій вліяніе на его направленіе, а въ ущербъ чисто-художественному характеру произведеній. Она вноситъ въ искусство все свое безпокойство, всю свою тревогу о настоящемъ и будущемъ. Лучшіе наши писатели не изъятъ отъ этого недостатка. Г. Аксаковъ, не смотря на свое сочувствіе ко всѣмъ современнымъ вопросамъ, сохранилъ однако свѣтлый, спокойный взглядъ художника, и въ его произведеніи жизнь отразилась ко всей ея истинѣ. Художественная правда придаетъ высокое достоинство его труду. Этому мы приписываемъ и то спокойное, примиренное чувство, которое мы выносимъ изъ чтенія его книги. Автору не нужно было въ слѣдъ за темною стороною жизни показать намъ свѣтлую ея сторону, чтобъ не оставить тревожнаго ощущенія въ душѣ своего читателя. Свѣтлая и черная сторона сливались въ книгѣ, какъ сливаются въ самой жизни, а нравственное чувство, лежащее въ основѣ искусства, какъ въ основѣ всякой истины, уже само по себѣ дѣйствовало успокоительно. Еще другой, важный вопросъ въ литературѣ разрѣшается новымъ произведеніемъ. Было время, когда наша критика, подмѣтивъ способность художниковъ проникать

въ самую глубину явленій дѣйствительности, придавать смыслъ самымъ мелкимъ изъ нихъ и сводить ихъ въ одно цѣлое, почти не хотѣла признать для искусства необходимость долгой, упорной работы надъ матеріаломъ. Еще ни одно произведеніе не выставило, можетъ быть, въ такомъ яркомъ свѣтѣ отношеніе труда къ таланту, изученія къ искусству, какъ эта книга г. Аксакова. Авторъ вполне владѣетъ своимъ матеріаломъ: ему подробно извѣстна и сцена дѣйствія, богатая природа оренбургскаго края, и вся обстановка стариннаго нашего быта, и бытъ крестьянъ, которому такъ поэтически онъ умѣетъ сочувствовать, и это знаніе придаетъ особенную зрѣлость его кисти и не допуститъ никакой односторонности въ его изложеніи. Каждое явленіе природы и жизни отзывается ему знакомымъ голосомъ и выражается имъ во всей полнотѣ его. Г. Аксаковъ владѣетъ особеннымъ талантомъ изображать природу обыкновенную и, такъ сказать, ежедневную. Эта способность доказываетъ, конечно, глубоко-поэтическое настроеніе души. Изображенія природы относятся къ лучшимъ мѣстамъ въ цѣлой книгѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ можно назвать лирическими по тому восторгу, который дышетъ въ нихъ. Укажемъ на примѣръ на самое начало книги, гдѣ авторъ описываетъ намъ богатство оренбургскаго края и приволье дикихъ степей, еще нетронутыхъ рукою человѣка.

Это описаніе дышетъ такою поэтическою простотою, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомиться съ нимъ нашихъ читателей. Авторъ старается вообразить себѣ эпоху переселенія.

«Боже мой, какъ, я думаю, была хороша тогда эта дикая, ~~Звѣстная~~ роскошная природа! говорить онъ. Нѣтъ, ты уже не та теперь, не та, какою даже и я зналъ тебя—свѣжею, цвѣтущею, неизмѣною отсюда набѣжавшимъ разнороднымъ народонаселеніемъ! Ты не та, но все еще прекрасна, также обширна, плодоносна и безконечно разнообразна, Оренбургская губернія!... Дико звучать два эти послѣднія слова! Богъ знаетъ, какъ и откуда зашелъ тутъ *бури*!... Но я зналъ тебя еще Уфимскимъ намѣстничествомъ!»

Вслѣдъ за этимъ началомъ авторъ приводитъ стихи, въ которыхъ говорится объ измѣненіи этого края, и продолжаетъ:

«Такъ писалъ о тебѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ, одинъ изъ твоихъ уроженцевъ, и все это отчасти уже исполнилось или исполняется съ тобою; но все еще прекрасенъ ты, чудесный край! свѣтлы и прозрачны какъ глубокія, огромныя чаши, стоятъ озера твои — Кандры и Каратыбанъ. Многоводны и многообильны разнообразными породами рыбъ твои рѣки, то быстротекущія по долинамъ и ущельямъ между отрясами Уральскихъ горъ, то свѣтлы, и тихо незамѣтно катящіяся по кавилыстымъ степямъ твоимъ, подобно яхонтамъ, нанизаннымъ на нитку. Чудны эти степныя рѣки, всѣ изъ безчисленныхъ глубокихъ водоемовъ, соединяющихся узкими и мелкими протоками, въ которыхъ только и примѣтно теченіе воды. Въ твоихъ быстрыхъ родниковыхъ ручьяхъ,

прозрачныхъ и холодныхъ какъ ледъ, даже въ жары знойнаго лѣта бѣгущихъ подъ тѣнью деревь и кустовъ, живутъ всѣ породы форелей, изящныхъ по вкусу и красивыхъ по наружности, скоро пропадающихъ, когда человѣкъ начнетъ касаться нечистыми руками своими къ дѣвственнымъ струямъ ихъ свѣтлыхъ, прозрачныхъ жилищъ. Чудесной растительностью блистаютъ твои тучные черноземные, роскошные луга и поля, то бѣлющіе весною молочнымъ цвѣтомъ вишенника, клубничника и дикаго персика, то покрытыя лѣтомъ, какъ краснымъ сукномъ, ягодами ароматной полевой клубники и мелкою вишнею, зрѣющею позднѣе и темнѣющею къ осени. Обильною жатвою вознаграждается лѣнивый и невѣжественный трудъ пахаря, кое какъ и кое гдѣ всковырившаго жалкою сохою или неуклюжимъ сабаномъ твою плодородную почву! Свѣжи, зелены и могучи стоятъ твои разнородные черныя лѣса, и рои дикихъ пчелъ шумно населяютъ нерукотворныя борти твои, заноса ихъ душистымъ липовымъ медомъ. И уфимская куница, болѣе всѣхъ уважаемая, не перевелась еще въ лѣсистыхъ верховьяхъ рѣкъ Уфы и Бѣлой! Мирны и тихи патриархальные первобытные обитатели и хозяева твои, кочевыя башкирскія племена! Много уменьшились, но еще велики, многочисленны, конскіе табуны и рогатыя и бараны стада ихъ. Еще по прежнему, послѣ жестокой, бурной зимы, отошальные, исхудалые, какъ зимнія мухи, Башкирцы съ первымъ весеннимъ тепломъ, съ первымъ подножнымъ кормомъ, выгоняютъ на привольныя мѣста, на половину передохшіе отъ голода табуны и стада свои, перетаскиваясь и сами за ними, съ женами . и дѣтьми.... И вы никого не узнаете черезъ двѣ или три недѣли! Изъ лошадиныхъ оставовъ явятся бодрые и неутомимые кони, и уже степной жеребецъ гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка.... Раздобрыли тощія, зимнія стада коровъ, полны питательной влагой вымя и сосцы ихъ. Но что Башкирцу до ароматнаго коровьяго молока; уже поспѣлъ живительный кумысъ въ кобылихъ *турецкахъ*, и все, что можетъ пить, пьетъ до пьяна цѣлительный, благодатный напитокъ, и дивно исчезаютъ всѣ недуги голодной зимы и даже старости: полнотой одѣваются осунувшіяся лица, румянцемъ здоровья покрываются блѣдныя, впалыя щеки. Но странный и грустный видъ представляютъ покинутыя селенія! Наскачетъ иногда на нихъ ничего подобнаго не видавшій, свѣжій путешественникъ, и поразится видомъ опустѣлой, какъ будто вымершей деревни. Дико и печально смотрятъ на него окна разбросанныхъ юртъ съ бѣлыми трубами, лишенныя пузырчатыхъ оконницъ, какъ человѣческія лица съ вытянутыми глазами.... Кое гдѣ лаетъ на привязи сторожевой голодный песъ, котораго изрѣдка навѣщаетъ и кормитъ хозяинъ, кое гдѣ мяучить одинокая кошка, сама промышляющая себѣ пищу—и никого больше, ни одной души человѣческой.» (стр. 21—24).

Мы не безъ намѣренія выбрали именно это мѣсто изъ множества поэтическихъ страницъ въ «Семейной Хроникѣ и Воспоминаніяхъ». Въ немъ особенно проглядываютъ характеристическіе черты разказа г. Аксакова. Какъ видно напримѣръ сквозь этотъ рядъ поэтическихъ представленій, что автору описываемая сторона коротко знакома, что онъ не только любитъ, но и знаетъ природу.

Этотъ знаніе имѣло, безъ сомнѣнія, важное вліяніе на тонъ его разказовъ. Коротко знакомому съ неисчерпаемыми богатствами природы, ему

не кажутся однообразны ея картины. Оттого—то ничего грустнаго не оставляют онѣ въ душѣ автора, но возникаютъ въ ней свѣтлымъ, роскошнымъ видѣніемъ. У г. Аксакова какъ—будто соединяются два способа пониманія рѣдко встрѣчаемые вмѣстѣ: ни одно явленіе природы не исчезаетъ отъ зоркаго его взгляда, все возбуждаетъ его сочувствіе; но прочувствованныя имъ красоты природы онъ умѣетъ возводить въ ясное и свѣтлое сознаніе. Онъ любитъся, такъ сказать, каждымъ деревомъ, каждою травкою, но цѣльность картины не исчезаетъ въ этихъ подробностяхъ, которыя содѣйствуютъ только къ ея оживленію. Оттого—то ни одна, самая прозаическая подробность не нарушаетъ общаго поэтическаго впечатлѣнія. Къ числу самыхъ живописныхъ описаній принадлежитъ разказъ о постройкѣ новой мельницы. Трудъ человека какъ будто пополняетъ здѣсь картину, составляя необходимую ея принадлежность.

Отъ «Семейной Хроники» авторъ переходитъ къ собственнымъ своимъ «Воспоминаніямъ.» Къ сожалѣнію, онъ не сообщилъ намъ вполнѣ своихъ записокъ. Связный разказъ оканчивается университетскою жизнію; за тѣмъ слѣдуютъ три отрывка: воспоминанія о знакомствѣ съ Шушеринымъ, Шишковымъ и Державинымъ. Приемы автора здѣсь тѣже, но, по самому свойству разказа, состоящаго въ послѣдовательной передачѣ событій, эта часть сочиненія, какъ мы уже сказали, носить отчасти другой характеръ. За то, если авторъ не выводитъ передъ нами полной картины быта, какъ она отразилась въ его сознаніи, мы выигрываемъ съ другой стороны: сфера дѣйствія расширяется. Изъ среды одного семейства разказъ переходитъ на болѣе обширную арену, въ центръ тогдашняго движенія, и знакомитъ насъ съ нѣкоторыми изъ замѣчательныхъ людей эпохи. Мы узнаемъ лучшіе интересы этого времени, обильнаго добрыми начинаніями и богатаго надеждой; мы видимъ, какъ искусство, какъ литература все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ въ обществѣ права гражданства, какое сочувствіе уже возбуждаютъ въ себѣ во всѣхъ концахъ Россіи современные двигатели русскаго просвѣщенія. Многосторонній талантъ автора нашелъ здѣсь широкое поприще. Съ одинаковымъ искусствомъ передаетъ онъ намъ и характеръ цѣлой эпохи и характеры тѣхъ лицъ, съ которыми его сближали его литературныя и артистическія наклонности.

«Воспоминанія» начинаются разказомъ о поступленіи автора въ гимназію. Живо передаетъ онъ намъ и свое и семейное огорченіе при этомъ важномъ шагѣ въ его дѣтствѣ, и подробности тогдашняго быта перемѣшиваются здѣсь съ психологическимъ анализомъ дѣтскихъ ощущеній. Нелегкоеще доставалось просвѣщеніе въ это время.

Города, представлявшіе средства для высшаго образованія, были рѣдкими маяками на огромномъ пространствѣ. Въ Уфѣ, правительственномъ центрѣ огромнаго края, не было никакого училища, кромѣ народнаго, и въ немъ преподавалъ только одинъ учитель. Надобно было ѣхать за четыреста верстъ въ другой губернской городъ, чтобы доставить ребенку средства болѣе обширнаго образованія; а переѣзды въ это время не были ни легки, ни быстры. По цѣлымъ десяткамъ верстъ не встрѣчалось ни одной деревни; проселочныя дороги были зимою простыми слѣдомъ, проложеннымъ нѣсколькими санями; и по такимъ-то дорогамъ надобно было ѣхать, пережидая иногда по двое сутокъ страшные бураны. Трогательнъ разказъ автора о дѣтскомъ его испугѣ въ виду невѣдомой участи и заботливомъ огорченіи матери отъ мысли о скорой и необходимой разлукѣ. Но стремленіе къ просвѣщенію съ одной стороны и нѣжная привязанность съ другой побѣждаютъ эти препятствія, и поступленіе въ гимназію наконецъ рѣшено. За тѣмъ слѣдуетъ разказъ о гимназической жизни автора. Здѣсь онъ мало еще касается преподаванія, но сообщаетъ уже намъ нѣсколько любопытныхъ подробностей объ управленіи учебнаго вѣдомства и школьной жизни. Учебная часть гимназій лежала на ея совѣтѣ, а управленіе было въ рукахъ директора. Для приѣма учениковъ не было общихъ экзаменовъ въ одно опредѣленное время: каждаго новаго ученика совѣтъ поручалъ экзаменовать особо какому-нибудь учителю. На управленіи гимназій лежалъ какой-то строгій, «искальскій» характеръ: было принято за правило, чтобъ ни одинъ шагъ воспитанника, даже самый невинный, не ускользалъ отъ начальническаго надзора. Понятно, что такая жизнь не могла не подѣйствовать болѣзненно на ребенка, воспитаннаго матерью, въ свободѣ деревенской жизни. Авторъ разказываетъ намъ, какъ школьное стѣсненіе тяжело подѣйствовало на его натуру и развило въ немъ болѣзненные припадки. Этотъ разказъ о дѣтскихъ страданіяхъ чрезвычайно граціозенъ. Онъ напоминаетъ намъ повѣсти Диккенса и труды одного изъ молодыхъ русскихъ писателей, пріобрѣтшаго извѣстность искусствомъ передавать впечатлѣнія дѣтства. Нельзя не сочувствовать и горю ребенка и испугу его матери, рѣшающейся на героическій поступокъ для спасенія сына. Глава оканчивается выходомъ автора изъ гимназій и возвращеніемъ въ деревню, для излеченія отъ болѣзни. Возвратясь къ любимой имъ сельской жизни, авторъ разказываетъ намъ деревенскія забавы своего дѣтства, охоту съ ружьемъ, рыбную ловлю, тихія прогулки... Эти страницы исполнены того же чувства природы, которое мы замѣтили, говоря о «Семейной Хроникѣ.» Долгіе зимніе вечера посвяща-

лись чтенію, въ которомъ принимали участіе всѣ члены семейства. Съ народными увеселеніями авторъ былъ мало знакомъ въ своемъ дѣтствѣ, и объ этомъ нельзя не пожалѣть, читая страницу, посвященную описанію святочныхъ игоръ. Объясняя, почему ему не удалось въ дѣтствѣ ближе познакомиться съ забавами народа, авторъ говоритъ, «что мать его была горожанка, а вѣдшее прикосновеніе цивилизаціи всегда развиваетъ какую-то гордость и неуваженіе къ простонародному быту» (стр. 250), отъ которыхъ несвободны и лучшіе даже характеры. Въ этихъ словахъ есть, конечно, своя доля правды, и можетъ быть, относительно самого автора и его семейства они и вполнѣ справедливы; но вообще говоря, они не совсѣмъ вѣрны. Есть большая разница въ отчужденіи отъ народныхъ обычаевъ людей прошлаго времени и людей современныхъ. Присутствіе праздныхъ людей высшихъ сословій могло дѣйствительно придавать этимъ увеселеніямъ не очень чистый характеръ. Авторъ самъ разказываетъ намъ о гнусныхъ пиршествахъ Куролесова посреди его дворовыхъ людей. Да и не даромъ же и законъ и церковь такъ возставали противъ нѣкоторыхъ забавъ въ XVII вѣкѣ. Тутъ говорило не одно религіозное чувство: припомнимъ, что въ то же время при дворѣ была уже комедія.

«Годъ въ деревнѣ» хорошо прошелъ для автора и столь же пріятное воспоминаніе оставляетъ и для читателя. Слѣдующая глава передаетъ происшествія вторичнаго поступленія автора въ гимназію и его ученія. Преподаваніе нѣсколько измѣнилось: между учителями появилось нѣсколько новыхъ, съ большимъ образованіемъ, которыми гимназія была обязана московскому университету. Изъ нихъ нѣкоторые были уже настоящими учеными. Авторъ подробно разказываетъ о своихъ наставникахъ. Здѣсь мы находимъ и объясненіе эстетическому развитію автора. Воспитанный умною и нѣжною матерью, среди сельской природы, сдѣлавшей на него столь сильное впечатлѣніе, онъ имѣлъ еще счастье находиться подъ непосредственнымъ руководствомъ чловѣка съ замѣчательнымъ вкусомъ. Тутъ же авторъ говоритъ намъ и о тѣхъ книгахъ, которыя онъ читалъ вѣстѣ съ своимъ воспитателемъ, и такимъ образомъ знакомитъ насъ съ кругомъ писателей, имѣвшихъ особенное вліяніе на тогдашнее образованіе. Кромѣ этихъ интересныхъ подробностей, къ той же главѣ относится очень поэтической эпизодъ,—о поѣздкѣ автора въ деревню и о свадьбѣ его тетки. Этотъ разказъ напоминаетъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» Гоголя и дышетъ какою-то тихою прелестью. Глава оканчивается описаніемъ важнаго событія,—основація К—го университета. Нельзя безъ особеннаго чувства читать страницы, посвящен-

ныя этому предмету. Читателя охватываетъ тоже радостное чувство, которое овладѣло всѣмъ молодымъ поколѣніемъ, когда правительство съ новымъ рвеніемъ принялось за дѣло просвѣщенія. Невольно переносясь въ эту эпоху благородныхъ стремленій, теплой любви къ образованію, юношескаго пыла ко всему хорошему. Первое извѣстіе о будущемъ университетѣ было принято съ истиннымъ восторгомъ въ гимназіи. Всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщаніе въ ревностномъ приготовленіи къ новому поприщу. Университетъ былъ открытъ наскоро: мѣста преподавателей заняли старшіе учителя гимназій, изъ которыхъ только немногіе были на высотѣ своего положенія; студенты, тоже наскоро приготовленные, были набраны изъ учениковъ гимназій; но общее, усердное стремленіе къ просвѣщенію согрѣвало и наставниковъ и учащихся, и пророчило хорошую будущность новому дѣятелю на поприщѣ добра и науки.

Слѣдующая глава посвящена университетской жизни. Здѣсь авторъ повѣствуетъ о своихъ первыхъ занятіяхъ театральнымъ искусствомъ и литературою, оставшихся главною страстію его жизни. Разказъ о студенческомъ театрѣ чрезвычайно интересенъ: въ немъ нерѣдко проглядываетъ вѣрный взглядъ на искусство человѣка, имѣющаго къ нему рѣшительное призваніе. Столь же, если не болѣе еще любопытны подробности о литературныхъ занятіяхъ студентовъ. Въ нихъ видно, какъ сильно дѣйствовало на молодое поколѣніе направленіе Карамзина и его послѣдователей. Въ приложеніяхъ къ «Воспоминаніямъ» авторъ сообщаетъ отрывки изъ студенческаго журнала, за которые будутъ ему благодарны всѣ любители литературной старины нашей. Впрочемъ, лично авторъ мало увлекался Карамзинымъ, и когда началась литературная борьба между двумя партіями, сталъ рѣшительно въ ряды защитниковъ Шишкова. Такое стремленіе къ самостоятельности въ эпоху общаго увлеченія выказываетъ способность къ самобытному взгляду на литературу и потребность собственнаго, прочнаго убѣжденія.

Разказомъ объ университетѣ заключаются послѣдовательныя записки автора. За ними слѣдуютъ три отрывка. Судьба сводила г. Аксакова съ самыми оригинальными личностями, и въ его разказѣ онъ не только не утратилъ своей оригинальности, но мастерски переданы со всѣми ихъ особенностями. Статья о Шушеринѣ есть довольно цѣльное изображеніе тогдашняго театрального міра и артистическаго образованія автора. У Шушерина онъ познакомился съ двумя другими актерами, Дмитревскимъ и Яковлевымъ, изъ которыхъ одинъ былъ представителемъ прежняго театра, а другой въ это время могъ уже считаться преемникомъ самаго Шушерина. Такимъ образомъ ав-

тору удалось познакомиться въ лицахъ почти со всей исторіей русскаго театра. Знакомство съ Дмитревскимъ, замѣчательное и само по себѣ, передано имъ необыкновенно удачно. Полуразрушившійся Дмитревскій упрекаетъ Яковлева въ искаженіи искусства, и вдругъ, чтобы подать примѣръ истинно-художественной игры, встаетъ съ креселъ и читаетъ монологъ изъ Отелло... Всѣ природные недостатки, всѣ недостатки старости исчезаютъ. Любовь къ искусству оживила на минуту отживающаго артиста. Эта сцена передана авторомъ такъ живо, что читатель какъ будто при ней присутствуетъ. Столь же прекрасно изображенъ характеръ Шушерины, въ которомъ неліцемерная любовь къ искусству и вѣрный, теплый взглядъ художника страннымъ образомъ перемѣшаны съ чертами мелочной, жолчной и завистливой натуры. Невольно раздѣляешь досаду автора при видѣ такой нечистой примѣси. Любопытно также видѣть, какъ въ это время лучшіе драматическіе артисты должны были бороться съ ложнымъ вкусомъ публики, требовавшихъ декламаторскаго, напыщеннаго тона и неестественной игры вмѣсто настоящаго благороднаго жара. Но природа брала свое, не смотря на псевдоклассическія убѣжденія большинства, и любопытно читать у г. Аксакова, какъ простая, естественная игра Шушерины увлекала зрителей, неумѣвшихъ объяснить себѣ своего увлеченія. Разказъ Шушерины о его жизни, переданный намъ авторомъ, чрезвычайно интересенъ. Любопытно видѣть, какъ истинный талантъ выдвигаетъ этого человѣка изъ несвойственной ему сферы и завоевываетъ ему громкую репутацію. Собственные замѣчанія г. Аксакова о театральномъ искусствѣ отличаются вѣрностію взгляда и настоящимъ художническимъ тактомъ. Нельзя не обратить вниманія читателя на анализъ игры m-lle George, который показываетъ большой критическій талантъ въ авторѣ. Кромѣ театральныхъ воспоминаній мы находимъ въ этой статьѣ и литературныя: сюда относится разказъ о чтеніи Гнѣдича. Статья оканчивается двумя поэтическими страницами о грозѣ двѣнадцатаго года.

Другая статья говоритъ о Шишковѣ. Шишковъ былъ, безъ сомнѣнія, замѣчательнымъ лицомъ даже и въ блестящемъ ряду тогдашнихъ государственныхъ людей. Честный и правдивый, онъ никогда не отступалъ отъ своего убѣжденія и былъ стоекъ до упрямства. По счастливому выраженію автора, «Шишковъ безъ всякаго униженія могъ поклониться въ ноги своему природному царю; но стоя на коленяхъ онъ говорилъ: не дѣлай этого, государь, это не хорошо» (стр. 515). Въ эпоху движенія по преимуществу нельзя было его не замѣтить, и мы видимъ, что его служба отечеству была самая разнообразная, часто полезная, и всегда безукоризненная. Ученый адмиралъ, онъ былъ по-

томъ государственнымъ секретаремъ, писалъ знаменитые манифесты двѣнадцатаго года, а потомъ былъ президентомъ академіи, благонамѣреннымъ министромъ просвѣщенія, всегда готовымъ протянуть руку всему хорошему. Пушкинъ могъ съ полнымъ правомъ сказать о немъ слова, взятая авторомъ вмѣсто эпиграфа:

«Сей старецъ дорогъ намъ. Онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.»

Съ такимъ же честнымъ, прекраснымъ характеромъ являлся Шишковъ и въ частной жизни. Его ребяческая наивность, его довѣріе къ людямъ и горячая, любящая душа невольно привлекали къ нему всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ сношеніяхъ, и авторъ свято сохранилъ свою къ нему привязанность. Знакомство его съ Шишковымъ началось самымъ оригинальнымъ образомъ и скоро превратилось въ дружескую короткость. Уже съ перваго раза Шишковъ высказалъ ему изустно свое литературное направленіе, читая и разбирая передъ нимъ новую поэму князя Шихматова. Вспомнимъ, что еще въ университетѣ авторъ сочувствовалъ дѣятельности Шишкова: понятно, что личныя съ нимъ бесѣды развили и укрѣпили такое воззрѣніе на литературу. Но онъ однако не подчинился безусловно этому вліянію и часто потомъ узнавалъ свои изустныя выраженія Шишкову въ его печатныхъ произведеніяхъ. Находясь въ частыхъ и постоянныхъ съ нимъ сношеніяхъ, онъ коротко узналъ его образъ мыслей, его привычки и обычный кругъ друзей и почитателей. Такимъ образомъ онъ могъ намъ сообщить любопытныя подробности и о самомъ Шишковѣ и о его направленіи. Статья г. Аксакова есть важный матеріалъ и для историка литературы и для біографа.

Шишкова называли славянофиломъ. Это имя было исключительно усвоено ему и его послѣдователямъ до тѣхъ поръ, пока не появилось другое направленіе, окрещенное тѣмъ же названіемъ, но имѣющее съ нимъ общаго только историческую преемственность и нѣкоторые внѣшніе признаки. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что это названіе болѣе идетъ къ Шишкову, чѣмъ къ нынѣшней школѣ. Славянофильство Шишкова не касалось никакихъ общественныхъ вопросовъ и не было связано ни съ какимъ особеннымъ взглядомъ ни на исторію вообще, ни на русскую исторію въ особенности. Это было направленіе исключительно литературное и даже можно сказать, чисто филологическое. Въ литературѣ оно возставало противъ галицизмовъ, въ обществѣ противъ употребленія французскаго языка и слѣдованія иностраннымъ модамъ. «Этими, такъ сказать литературными и внѣшними условіями, говоритъ г. Аксаковъ, ограничивалось все направленіе. Шишковъ и

его послѣдователи горячо возставали противъ нововведеній тогдашняго времени, а все введенное прежде, отъ реформы Петра I до появленія Карамзина, признавали русскимъ.» «Вѣкъ Екатерины, передъ которымъ они благоговѣли, прибавляетъ онъ далѣе, считался у нихъ не только русскимъ, но даже русскою стариною» (стр. 463). Такая оцѣнка совершенно справедлива. Направленіе Шишкова было чисто внѣшнее; оно не касалось, ни существенныхъ основъ жизни, ни основаній искусства; а потому и не могло стоять въ разрывѣ ни съ коренными явленіями общественнаго быта, ни тѣмъ менѣе съ какими либо важнымъ историческимъ направленіемъ. Поэтому намъ непонятно, какъ можетъ авторъ говорить въ концѣ отрывка, что «Шишковъ открылъ глаза Карамзину на вредныя послѣдствія его нововведеній въ русское слово», и приписывать ему вообще важное значеніе въ историческомъ ходѣ нашей литературы. Такое внѣшнее направленіе не могло быть обильно результатами. Г. Аксаковъ основывается на словахъ Карамзина, сказанныхъ ему лично, «что у Александра Семеныча много гнѣва, много желчи, много личной къ нему враждебности, а потому много и несправедливаго, но есть много и правды» (стр. 515). Поэти слова ничего не доказываютъ. Шишковъ могъ быть иногда правъ, но языкъ Карамзина окрѣпъ и возмужалъ все таки не подвѣяніемъ этой критики: ему помогло выбраться на настоящую дорогу близкое знакомство съ русскими историческими памятниками, которые внесли живую народную стихію въ его художественное слово. Это можно доказать исторически. По нашему мнѣнію, направленіе Шишкова было лишено серьезнаго содержанія: оно не стремилось къ самознанію ни въ жизни, ни въ словѣ и ни тѣмъ менѣе къ народной исключительности. Какъ мы понимаемъ это дѣло, Шишковъ, въ качествѣ общественнаго дѣятеля, принадлежалъ къ числу тѣхъ честныхъ людей, которые, сознавая вполне нравственное значеніе великаго переворота, скорбѣли духомъ при видѣ, какъ ихъ современники искажали благотельное движеніе, усвоивъ себѣ одну его внѣшнюю сторону. Въ этомъ случаѣ онъ раздѣляетъ направленіе Фонъ-Визина, съ тою разницею, что Фонъ-Визинимъ вопросъ былъ поставленъ и шире и глубже. Въ литературѣ Шишковъ былъ старовѣромъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ быстрое движеніе, возбужденное Карамзинимъ, оставило позади. Не чувствуя въ себѣ довольно силы, чтобъ принять участіе въ литературномъ преобразованіи, они стали къ нему въ враждебное отношеніе и ратовали за чистоту русскаго языка, не понимая—хорошенько дѣла. Извѣстно, что Шишковъ, употребляя славянскія слова и выраженія, самъ перѣдко дѣлалъ галицизмы; а какъ были приготовлены къ своему дѣлу его послѣдователи, тому мы находимъ

забавный примѣръ у самого г. Аксакова: одинъ изъ послѣдователей Шишкова до того увлекся его «Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ», что подписалъ на своемъ экземплярѣ: «Mon Evangile» (стр. 480). Не забудемъ, что какъ самъ Шишковъ, такъ и большая часть его послѣдователей были дилеттантами въ литературѣ. Къ Шишкову прикнули многіе бездарные писатели, противодѣйствовавшіе новой школѣ не одними литературными средствами, и этимъ объясняется ожесточенная борьба. Сколько мы знаемъ, честное имя самого Шишкова не раздѣляло тѣхъ нареканій, которыя падали на его сотрудниковъ; но такъ какъ въ исторіи литературы оно тѣсно связано съ ними, то мы все таки благодарны автору за восстановленіе его чистой памяти. Прибавимъ, что нѣкоторое пристрастіе къ главѣ прежнихъ славянофиловъ не помѣшало ему прекрасно очертить не только его личный характеръ, но и вообще литературныя отношенія того времени.

Послѣдній отрывокъ передаетъ намъ знакомство автора съ Державинымъ. Г. Аксаковъ не засталъ уже Державина въ полномъ блескѣ его могучаго таланта. Онъ видѣлъ его, когда знаменитый поэтъ уже пережилъ свое великое дарованіе и ребячески тѣшился сочиненіемъ трагедій и комедій, къ которымъ не имѣлъ никакого призванія. Тѣмъ не менѣе чрезвычайно интересны сношенія автора съ пѣвцомъ Екатерины. Еще вспыхивалъ по временамъ священный огонь въ угасающемъ поэтѣ; его поэтическая натура еще сохраняла свою впечатлительность....

«Державинъ былъ такъ деликатенъ, что не заставилъ меня сей часъ читать, хотя ему очень этого хотѣлось, какъ онъ самъ впоследствии, смѣясь, мнѣ признавался. Онъ завелъ со мною довольно длинный разговоръ объ Оренбургскомъ краѣ, о тамошней природѣ, о Казани, о гимназій, университетѣ и на этотъ разъ заставлялъ уже больше говорить меня, а самъ внимательно слушалъ. Я говорилъ безъ запинки, съ одушевленіемъ, и нѣсколько разъ навелъ разговоръ на стихи и наконецъ, какъ-то нехотяти, прочелъ нѣсколько его стиховъ изъ стихотворенія «Арфа», гдѣ онъ обращается къ Казани:

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣжусь опять твоей зарей
И твой по прежнему всегдашній буду житель?
Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть,
Васъ дубы камскіе, отъ времени почтенны,
По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть
И гробы обнимать родителей священны?

«Лице Державина оживилось, глаза вспыхнули. «Вы хотитемнѣ что-нибудь прочесть», воскликнулъ онъ, и въ глазахъ его засвѣтился тотъ святой огонь, который внушилъ ему многія безсмертныя строфы. — «Всею душою хочу, отвѣчалъ я; только боюсь, чтобы счастье читать Державину его стихи, не захватило у меня дыханья.»

«Державинъ взглянулъ на меня, и видя, что это не комплиментъ, а чистая правда, схватилъ меня за руку и ласково примолвилъ: «такъ

успокойтесь.» — Наступило молчаніе. Державинъ всталъ и началъ выдвигать ящики, которыхъ находилось множество по бокамъ его большаго дивана и какъ-то надъ спинкой дивана. На ящикахъ, бронзовыми буквами, были написаны названія мѣсяцевъ, а на нѣкоторыхъ—года. Гаврило Романовичъ долго чего-то искалъ въ нихъ и наконецъ вытащилъ двѣ огромныя тетради, переплетенныя въ зеленый сафьянный корешокъ. «Въ одной книгѣ мои мелочи, сказалъ онъ, а объ другой поговоримъ послѣ. Вы что хотите мнѣ читать? вѣрно оды: Бога, Фелицу или Видѣніе Мурзы?...» — «Нѣтъ, отвѣчалъ я: ихъ читали вамъ многіе; особенно актеръ Яковлевъ. Я желаю прочесть вамъ оду на смерть князя Мещерскаго и водопадъ.» — «А я хотѣлъ вамъ предложить прочесть мою трагедію.» — «Сердечно радъ, но позвольте мнѣ начать этими двумя стихотвореніями.» — «Извольте.» — «Я знаю наизусть почти всѣ ваши стихи; но на всякій случай я желаю бы имѣть въ рукахъ ваши сочиненія. вѣрно они есть у васъ.» — «Какъ не быть, улыбувшись сказалъ Державинъ, — какъ сапожнику не имѣть шилевъ» (сравненіе довольно странное), и онъ досталъ, также изъ ящика, свои стихотворенія, богато переплетенныя въ красный сафьянъ съ золотомъ. Я зналъ, что читать, сидя очень близко отъ человека, которому читаешь, неудобно и невыгодно, и потому пересѣлъ на кресло, стоявшее довольно далеко отъ Державина; онъ хотѣлъ удержать меня, говоря, что не такъ будетъ слышно, но я увѣрилъ его, что онъ услышитъ все. Наружное мое волненіе затихло и сосредоточилось въ душѣ. Я прочелъ оду къ Перфилюву на смерть князя Мещерскаго. Съ первыми стихами:

Глаголь времени, металла звонъ,
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветь меня, зоветь твой стонъ,
Зоветь—я къ гробу приближаетъ,

Державинъ превратился въ слухъ, лице его сдѣлалось лучезарнымъ, руки пришли въ движеніе. Когда я прочелъ:

Глядитъ на всѣхъ—и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры,
Глядитъ на пышныхъ богатей,
Что въ златѣ и въ сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелести красоты,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны—
И точить лезвее косы.—

Державинъ содрогнулся. Едва я произнесъ послѣдніе стихи:

Жизнь есть небесъ мгновенный даръ,
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судьбъ ударъ.

Державинъ уже обнималъ меня со слезами на глазахъ. Онъ не вдругъ сталъ меня хвалить. Онъ молча сѣлъ опять на свое мѣсто, посадилъ и меня на прежнее кресло и, держа за руку, сказалъ тихимъ, растроганнымъ голосомъ: «Я услышалъ себя въ первый разъ...» и вдругъ прибавилъ громкимъ голосомъ, съ какимъ-то пошлымъ выраженіемъ (что меня очень неприятно поразило): «Мастеръ, первый мастеръ! Куда Яковлеву! вы его, батюшка, за поясъ заткнете», и въ тоже время я примѣтилъ, что Державинъ вдругъ сдѣлался чѣмъ-то озабоченъ, что у него было что-то другое на умѣ. Онъ опять всталъ, вынулъ другую рукописную книгу; нѣсколько разъ бралъ то ту, то другую, и наконецъ одну спрятавъ, а другую оставилъ на столѣ. Я видѣлъ ясно, что сильное впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ оды къ Перфилюву, прошло, и что ему ужасно хочется, чтобы я читалъ трагедію. Скрѣпя сердце я пожертвовалъ на этотъ разъ «Водопадомъ», и хорошо сдѣлалъ: Державинъ сталъ бы слушать меня разсѣянно...» (стр. 525—627).

Этимъ теплымъ, художественнымъ разказомъ оканчиваются «Воспоминанія» автора.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о характерѣ дарованія, которому многосторонній предметъ книги далъ случай выказаться во всей полнотѣ своей и силѣ. Въ наше время, не смотря на всеобщее стремленіе къ самостоятельности, не легко быть самостоятельнымъ писателемъ даже и обладая талантомъ. Великіе образцы послѣдняго времени наложили свою печать на современную литературу. Приступая къ предметамъ извѣстнаго рода, трудно не усвоить себѣ не только направленія, но до нѣкоторой степени и приемы этихъ писателей. Невольные подражатели, авторы, слѣдовавшіе за ними, нечувствительно переносили въ свои произведенія впечатлѣніе, которое сдѣлали на нихъ ихъ предшественники. У менѣе талантливыхъ самый языкъ отзывается фразою мастера, но и самые даровитые изъ нихъ не скоро освобождаются отъ этого вліянія. Г. Аксаковъ имѣетъ талантъ совершенно самобытный. Онъ пережилъ нѣсколько замѣчательныхъ эпохъ литературы, но ни одна не наложила на него исключительно своей неизгладимой печати. Его дарованіе питалось, такъ сказать, проходившими передъ нимъ образцами, но глубоко-художественная натура не приняла въ себя чуждаго отпечатка. Въ чемъ же состоитъ главная особенность его таланта?

Г. Аксаковъ есть по преимуществу художникъ, и потому-то, можетъ быть, нельзя обозначить одною, исключительною чертою характеръ его дарованія. Его главное качество состоитъ въ способности къ спокойному созерцанію предмета. Личныя убѣжденія и привязанности автора высказываются иногда въ его книгѣ, но нигдѣ не становятся закономъ для художественнаго изображенія. Оттого-то собственно говоря, его нельзя отнести ни къ числу народныхъ писателей, ни къ числу живописцевъ природы. Природа и человекъ, общественный бытъ и искусство, входятъ на равныхъ правахъ въ его замѣчательную книгу. Каждая сторона его произведенія дышитъ, такъ сказать, истиной, какого бы предмета онъ ни касался. Высокая простота взгляда отразилась и на внѣшнемъ способѣ повѣствованія. Оживленный разказъ автора и простъ и естественъ. Онъ чуждъ всякихъ лишнихъ украшеній и сохраняетъ какое-то единство тона, не смотря на разнообразіе содержанія. Какъ въ картинѣ художника всѣ тѣни сливаются въ одномъ общемъ колоритѣ, такъ у г. Аксакова всѣ части разказа связаны между собою какимъ-то общимъ характеромъ. Разныхъ переходовъ нѣтъ въ этомъ произведеніи, хотя авторъ и переходитъ отъ описанія природы къ общественному быту, отъ изображенія быта къ психологическому анализу отдѣльнаго характера. Ука-

жемъ особенно въ этомъ отношеніи на разказъ о добромъ днѣ Степана Михайловича, гдѣ при этомъ единствѣ тона каждая часть мастерскаго повѣствованія запечатлѣна ей свойственнымъ характеромъ. Особеннымъ искусствомъ обладаетъ авторъ въ передачѣ изустныхъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ своей книги. Онъ не копируетъ разговорной рѣчи, не поддѣляется подъ языкъ эпохи или быта, но художественно воспроизводитъ его сообразно съ выведенными имъ лицами. Эти вводныя рѣчи не являются въ рѣзкомъ отличіи отъ языка автора, но, при всей вѣрности своей, какъ-то соединяются съ нимъ въ одно цѣлое.

Неподдѣльной теплотою нравственного чувства и твердымъ убѣжденіемъ согрѣто и проникнуто цѣлое сочиненіе. Авторъ рѣдко произноситъ свой судъ надъ изображенными имъ лицами и даже можно сказать, въ томъ только случаѣ, когда ему нужно сообщить свои прежнія впечатлѣнія; но читатель и не нуждается въ такомъ приговорѣ: мастерски изображенныя личности говорятъ сами за себя, привлекая или не привлекая къ себѣ сочувствія. Свежесть замѣчательнаго дарованія, не состарѣвшагося, но развившагося съ годами, соединилась у г. Аксакова со всею зрѣлостью художественнаго образованія. Критику нечего замѣтить автору относительно исполненія его труда. Это полная картина, изъ которой нельзя исключить ни одной отдѣльной черты.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Языкъ г. Аксакова заслуживалъ бы особеннаго изученія. Авторъ удивительно владѣетъ имъ. Его слогу легокъ и правиленъ, но эта правильность не мертвенная; языкъ сохраняетъ при ней свою особенную личную «физиономію». Гибкость его слова достойна особеннаго замѣчанія.

Θ. ДМИТРИЕВЪ.